

Переславль-Залесский. Отрывок из вакационных дней профессора Шевырёва

Неразговорчив был извозчик, который вёз нас из Александрова в Переславль, до станции. Он не *езжалый* человек, не покидал своего Холопова, или как он произносил Фолопова, меняя букву «х» на «ф» и тем доказывая, что он верен своему местному произношению. Вообще заметил я, что мужики, мало ездившие, а более сидевшие в деревнях своих, неразговорчивы, необразованны. Оно и естественно. Общение с людьми прежде всего образует человека. Красивый, высокий мужчина сменил его на станции. Невесело крестьяне встретили Петров день: были на барщине, возили солому на кирпичный завод. Разговорелись: кто молочком, а кто побогаче — говядиной. — Да, встречается нередко на Руси, что крестьянину от работы некогда и к обедне сходить. Бывают иные только, на Пасху, раз в год. А после те же самые, которые тому причиною, готовы в своих пышных салонах укорять крестьянина в недостатке религиозного образования. с. 21

Плохих лошадей, измученных барщиной, мы должны были сменить в другом селе. Сельский писарь, умный малой, повёз на лихой тройке. «У нас окружный-то, говорил он мне, вот кажется, и со всяким младенцем поговорит. Никого словом не *обездолит*». — В день Петра и Павла бывает праздник у ботика Петрова на озере Переславском, и гулянка у крестьян села Вёськова. — Об озере рассказывает народ, что оно всё выплёскивает, что бы в него ни бросили, хотя бы в самую середину. Оттого и названо, конечно, Плещеевым. Раз везли по озеру камень во сто пуд: — он упал в него каким-то образом. Озеро не в силах было волнами своими выплеснуть его на берег, так весною, когда ломало лёд, *икрами* вытерло его на то место, где его и показывают. Икрами называются огромные льдины. Дно всего озера чистый песок: в нём нет ни ила, ни растений. Вода так прозрачна, что в ней решительно видно всё, на какой бы глубине что ни кинули, как говорит народ и подтверждают очевидцы. Чистота воды даёт и рыбе вкус превосходный. с. 22

Ночью приехали мы в Переславль. Вдали белою полосой лежало озеро. Перед гостиницей, где мы остановились, видны были обгорелые развалины каменных домов после пожара, недавно бывшего. В городе это было ещё свежим грустным событием. Но вместе с несчастьем рассказывали и о благотворительных подвигах купечества. Первый помог Алексей Петрович Столбов, старейший из граждан переславских. За тем помог из Москвы племянник его, Константин Алексеевич Куманин. Ждали, что пришлют Киселёвы из Шуи, а они родня Темерину Додонову, голове, которого фамилия старинная в Переславле и дом которого также сгорел. Честь и слава доброму нашему купечеству! — оно первое является на помощь в подобных бедствиях, у нас, к сожалению, слишком частых.

Рано утром пошёл я осматривать древности Переславля. В то время, когда на улице затруднялся я в проводнике и разговаривал о том с мальчиком гостиницы, заметил моё затруднение шедший по улице мещанин. — «Что вам угодно, барин?» — спросил он меня. — Да вот взглянуть на вашу древность, на ваши соборы и монастыри. — «Извольте, барин, я вам всё покажу. Как нам не знать своего города?» — Да у тебя, может быть, есть дело. — «Ничего, ничего, батюшка. Рад вам послужить». — Этот переславский чичероне Аким с. 23

Алексеев, мещанин Фёдоровской слободы. Я рекомендовал бы его всякому, кто бы захотел познакомиться с Переславлем: преумной малой, знает в городе всё, старое и новое, а грамоте не учился. Я не расставался с ним целый день.

В новом соборе нет ничего древнего, кроме двух икон. Одна — Владимирской Богоматери. Об ней существует следующее народное предание, рассказанное мне Акимом. В Переславле народ поклонялся Купале. Когда Владимир внёс Христианскую веру, переславцы хотели всё-таки продолжать своё языческое поклонение. «Вот вам Купало», — сказал Владимир, прислав им икону Богоматери. Оттого-то и празднуют ей 23 июня в день, когда праздновали Купале. Ясно, как в этом рассказе перемешаны все события. — Другая икона Спаса Нерукотворенного, весьма уважаемая народом как древняя святыня. Она была обожжена в каком-то пожаре. Протоиерей полагает, что перенесли её из старого собора. Судя по стилю, этот образ должен напоминать самые первоначальные времена Переславля. В сохранении его нет ничего необыкновенного. Во время пожаров, конечно, прежде всего спасали святыню.

Но вот неподалёку от нового собора, близ высокого вала, древний собор Спасо-Преображенский, сложенный из белого камня, об одной главе. Поразительны простота и гармония этого здания. Можете взглянуть на изображение его в «Русской Старине», Г. Мартынова, но здесь ясна будет для вас одна внешняя его форма, а не стройность размеров, которую можно передать только посредством архитектурного рисунка. В 1152 году, говорит Никонова летопись, Великий Князь Юрий Долгорукий «град Переславль от Клещина перенесе, и созда болши старого, и церковь в нём постави камену святого Спаса». Стало быть, древнейший город находился на берегу озера Плещеева, в старину Клещина или Клешни-на; теперешний же город отдалён от него, а вал, окружавший древний город, строенный Князем Юрием, ещё далее от озера. Собор стоит почти у самого вала. От вала обращён он на восток. И. М. Снегирёв в описании этого храма передал нам исторические воспоминания, соединённые с ним.

Иконы внутри храма большею частью древние. Замечательнейшая Спаса Милостивого: по сторонам Спасителя Богоматерь и Иоанн Креститель. Лицо сего последнего — тип превосходный, чисто Византийский. На свитке, находящемся в руках его, надпись, по стилю букв и языку древняя: «Се агнец Бжйи вземляи миру грехи». Буква «ж» необыкновенной формы; буква «з» по Востокову весьма древняя. Замечателен дательный падеж: миру грехи — вместо грехи мира — также древний Славянский оборот, которого нет и в Остромировом Евангелии на этом месте. Снятие этой иконы можно бы рекомендовать художнику археологу, который захотел бы у нас заняться собранием икон замечательных. Здесь же есть удобство для такого изучения, чего нет в других храмах; иконы без окладов и доступны во всей их целости.

По правую сторону от царских дверей, вторая местная икона весьма примечательна не столько древностью своею, сколько содержанием. Наверху читаете надпись: Образ Распятия Господа — Седьм Таинств. Посередине иконы изображён Спаситель, распятый на кресте, а вокруг Него семь Таинств. Шесть изображено в кружках, и лица самого меньшего размера. Но видно, что на Таинство брака живописец обратил внимание гораздо большее. Оно представлено внизу и как бы указывает повод, по которому икона была написана. Иерей благословляет чету, богато одетую, соединяя руки жениха и невесты, на которых одежды древнерусские. Возле невесты стоит женщина немолодая, также в богатом наряде, под фатою, и в левой руке держит свечу, а правую поддерживает венец на голове невесты, которая, с распущенными волосами по обычаю, даже теперь существующему у наших крестьянок около Москвы, подаёт правую руку жениху, в левой же держит платок. На шее и на груди её много монистов и каменье. На платье из парчи узорочной обозначена талия поясом с городками. Жених, с подобранными волосами на голове, в парчовой ферязи с петлицами, из-под которой виден зипун, подаёт правую руку невесте. При женихе стоит мужчина, ещё наряднее одетый, чем сам жених, судя по узорам ферязи, с длинными волосами вьющимися по плечам, и подобно женщине в одной руке держит свечу, другую же поддерживает венец. Венцы на головах жениха и невесты различные: на последней он имеет вид пламени, бьющего кверху. Кругом всего образа написаны стихиры, которые поются на Воздвижение Креста. Над Таинством же брака большая надпись: «Тайна седьмая святого бракосочетания». Над головою жениха: «Брак есть таинство, в котором служитель церков-

ный обручает два сочетавающихся лица». Над головою невесты: «О нихже речено еже Бог сочетает, человек да не разлучает и будете оба в плоть едину». В самом же низу иконы читаете: «В лето ~~73~~рч (7190; 1682) поставил сей образ всоборный и Аполъстей ѿцеркви Преображения Спасова по обещанию своему подьячей Никита Ведерницын. Писал иконописец Стефан Казариново». Вероятно, этот образ имеет отношение к браку подьячего. Совершение обряда и древние наши одежды, особенно женские, больша́я у нас редкость, весьма любопытны. При невесте шафером женское лицо, не как теперь. Письмо иконы фряжское. Краски весьма яркие, но с желтизною. Эта икона стоит того, чтобы снять с неё копию, особенно с нижней её части. Прилагаемая здесь литография послужит живым объяснением к моему рассказу.

В алтаре церкви гробница: думают, что здесь погребён Князь Иоанн Дмитриевич Переславский, внук Невского, основываясь на летописи, которая расточает ему большие похвалы, не означая, однако, места погребения. В самой церкви две гробницы: предполагают, что похоронены его предшественники. Но, впрочем, всё это гадательно, потому что надписей нет. Древняя Русь не считала нужным, как видно, надписывать имена лиц на надгробных памятниках.

Неподалёку от древнего собора находится Церковь Петра Митрополита, вторая по древности. Новые пристройки безобразят, к сожалению, её изящную архитектуру. Особенно красива верхняя часть её: осьмиугольник суживается кверху и осеняется главою, которая имеет сходство с шапкою Епископа. Нет ли в этой форме какого-нибудь символического значения? Не было ли у нас различия в образах церковной архитектуры, смотря по посвящению храма? В Угличе я помню древнюю церковь во имя святого Алексия Митрополита, точно такого же вида, как переславская. На древних Спасских соборах глава также всегда одинаковой формы. Символика нашего древнего зодчества — тайна ещё не разгаданная у нас, но тут не может быть случайности. Всё, конечно, было определено. Внутри церкви вся живопись до того подновлена, чьим-то неблагоприятным усердием, что не осталось и следов ничего древнего. Грустью отзывалось мне в сердце слово: *поусердствовали!* которое я нередко слышал в монастырях и древних наших храмах. И рвение должно быть по разуму. Вы хотите построить храм Богу: стройте — Бог и люди благословят ваше приношение; но зачем же непременно вам надобно разорить для того какую-нибудь церковь, которая служит памятником молитвы ваших предков и прожила несколько столетий? Вы строите в XIX веке: архитектура храма будет отвечать новым потребностям времени. Но разорив ту, вы ся уж не воздвигнете. Ещё ужасно видеть, как рука нового живописца размазывает на древних иконах свои новые румяные изображения, в которых самоуслаждается его развитая личность. Да неужели же нет для того простого дерева? Зачем же надобна непременно для таких подвигов древняя икона, на которой печать веков? Великий художник, конечно, не совершит такого святотатства, а совершить его может один невежда с развитою безусловно личностью.

В церкви я нашёл одну только древнюю икону — Святителя Петра, висящую на стене с левой стороны, и та сохранена, как сказывал мне священник, по приказанию Его Императорского Высочества Великого Князя Цесаревича.

День был светлый. Я взошёл на колокольню нового собора, и оттуда открылся мне прекрасный вид на озеро, город и его окрестности. Озеро стелется вдаль, ясное и лазоревое, и шумит, весело плеща своими волнами. По небесному цвету поверхности вы видите, как чисто должно быть песчаное дно его. По краям видны сёла: слева Веськóво, памятное ботиком Петра Великого, Соломидино, справа Борисоглебское, Воронцово, а там далеко, далеко за озером, село Кутань. К озеру от города примкнула рыбацья слобода, где ленивый и грязный Трубеж вливает свою мутную волну в его лазоревую и чистую. Город весь виден как на ладони. Отсюда вы легко можете обойти глазами весь зелёный вал, который образует параллелограмм промеж домов и церквей. Взгляните отсюда, как были малы древние города! За валом лежали слободы и посады. Живописно, но нескладно размётан город по ровному месту. Новые улицы отличаются от древних прямизною. Двадцать две церкви возвышаются над домами: из них заметнее красотою стиля древний собор и церковь Петра Митрополита! Обилие Божиих храмов — принадлежность древних городов. Церкви, сады, огороды, дома каменные, деревянные, домики, хижины, лачуги, площади, улицы, пустыри, извилины реки, зелёная трапеция вала — всё это в живом разнообразии перемешано произвольно

с. 26

с. 27

с. 28

и изображает вам нескладное раздолье самой жизни. За городом, в разных сторонах, возвышаются монастыри; всех живописнее слева на горе упряднённый монастырь Горицкий, где прежде был архиерейский дом, а теперь развалина; подалее монастырь девичий Фёдоровский, основанный Грозным в 1557 году, в память рождения сына его Феодора и во имя Феодора Стратилата; ближе к городу у въезда от Москвы монастырь Даниила Переславского, а направо вдали монастырь Никиты Столпника. С одной стороны глаза разбегаются по голубой равнине озера; с трёх других сторон — по полям и горам, которые оживлены нивами, лесами, деревнями. Это один из светлых, привлекательных видов, которые не так часто встречаются в нашем краю. Над всем городом и над озером летает изумительное множество белых рыболовов. То дают они широкие круги — над домами, во все стороны города; то реют как белые точки в небе, над озером; то, завидя рыбку, бросаются вниз на воду.

Замечательно изобилие этих птиц в Переславле. Они очень красивы: малы телом, белы как мартовский снег на солнце, клюв и лапки у них розовые. Такие же ручные, как голуби в Москве, но ещё ласковее и дружелюбнее к человеку. Летают по домам, по дворам, садятся на окнах; иногда так пролетят над вашей головой, что чуть-чуть не заденут. Народ их любит, кормит и не бьёт. Рыбаки считают даже грехом убить рыболова, несмотря на то, что, конечно, эта птица поедает здесь множество рыбы. Но русский человек не жаден, не корыстен — и любит давать волю прекрасному Божию созданию, которое своим полётом оживляет для него мёртвую природу. Мы ещё не дожили до того, чтобы птицам бояться промышленности нашего народа.

с. 29 Из Собора мы отправились в монастырь Даниила Переславского. Аким был нашим спутником. Хоть он и неграмотен, а чего не знает в Переславле, и про старое, и про новое время. Жития переславских чудотворцев ему известны подробно. Сначала рассказывал он мне о Святом Данииле, как он из Горицкого монастыря смотрел часто на то место, где теперь стоит его обитель; потом заговорил о Никите Столпнике — и то передавал мне живую устную речь, что я сам только что прочёл в рукописном житии Никиты, которое было со мною. Вот то, что я слышал от него.

Никита жил в Переславле и был друг мытарям. — А кто такие мытари? — Да сборщики податей, батюшка. Сбирали подати княжеские, и промышляли воровством и разными неправдами. Вот Никита раз пошёл на рынок купить мяса: купил, приносит жене своей. Жена начала варить его в горшке. Смотрит в печку: бьёт из горшка страшная пена и всплывает то голова, то рука, то нога человеческая. Сказала она о том мужу: Никита пришёл в ужас, покаялся и сказал жене: иду в монастырь.

Никита Переславский жил в XII столетии. Этот рассказ, записанный в житии и до сих пор живущий в устах народа, указывает на свирепые нравы времени.

с. 30 Вот приходит Никита в монастырь к игумну и рассказывает ему о грехе своём. Никиту в монастырь не принимают. Он пошёл да и лёг в ближнее болото, во ста сажнях от монастыря. Лежит он день, другой, третий, не ест и не пьёт... Вдруг увидели монахи: над болотом столп комаров и мошек вьётся от земли до самого до неба. Вздвинулись они тому, пришли до того места, смотрят: лежит Никита — они и взяли его с собою. Там он и постригся. Дыныне, батюшка, на празднике Никиты Переславского, 26 мая, если случается ведряное время, столп комаров и мошек вертится на том самом месте, где в болоте лежал Никита, а в другие дни этого не бывает.

Не долго прожил в монастыре Никита. Он заключил себя в столбе, что стоит у большой дороги, и носил вериги. Стал служить народу, исцелять и творить чудеса, и много людей начало к нему стекаться со всех сторон. Вот мытари, его бывшие *содружебники*, позавидовали ему, что к нему много народу приходит, и убили его. Вериги-то на нём считали они золотыми или серебряными, сняли их, повезли в Ярославль; как привезли и увидели, что они были железные, бросили их в реку Которость... Вериги-то поплыли.

Какие нравственные мысли почерпает народ из этого рассказа? Гражданин, неправдами и разбоем достигший крайних пределов порока, вдруг раскаивается и в смрадном болоте искупляет своё злодеяние. Очистившись в монастыре, он не остаётся, однако, в затворе обители. Заключившись в придорожном столбе, он служит народу словом, советом, поучением,

врачевством, милостыней. Чистая слава его и польза сзывают к нему всех, но и порождают зависть. Он, очищенный и прославленный, убит прежними своими друзьями, свидетелями его прежних злодейств. И вот природа сама нарушает для него закон, чтобы почтить святого, и железо, удручавшее его тело, не тонет на воде, а сохраняется на память народу. Так самоочищением от всякой мерзости и служением народу снискал Никита святость: он продолжает служить ему и теперь.

Церковь во имя Князя Андрея Смоленского, где покоятся его мощи, не сохранила ничего древнего. Усердие поновило всё.

С особенною грустью вспоминал мой Аким о прошлом великолепии Горицкого монастыря, когда там был Архиерейский дом. Теперь уже всё опустело — и только раз в год бывает служение. По мере того, как идёшь к Данилову монастырю, и Горицкий вправо растёт по горе и виднеется яснее и красивее.

От времён древних мы в разговоре переходили и к новым временам. Главный доход города — рыба, говорил Аким. Но рыбой заведывает не город, а особая рыбацья слобода. Рыбы столько в озере, что можно наловить по крайней мере на 60 000 ассигнациями в год. Так по расчёту Акима, конечно, в пять раз преувеличенному его воображением против статистической действительности, которую предлагают Владимирские Губернские Ведомости. — «Рыбаки, — продолжал он, — ещё в озере запродали рыбу. Рыбаки переславские не русские, а всё чухна: переселены Петром Великим. У них речь-то хоть и русская, да лица то вовсе не русские. Ростом малы, безобразны. С нами, русскими, они не водятся — да и мы тоже с ними. У них и обычай другой, и нравы другие, чем наши». — Это замечание Акима мне подтвердилось совершенно на том рыбаке, которому заказал я копчёных сельдей и лодку на озеро. Лицо у него чухонское, рост маленькой. В обращении смесь низости с грубостью. «Сто раз поклонюсь в ноги, а не обидьте», — говорил он мне, не будучи доволен никакою платою за его сельдей. Никогда не скажет этого русский простолудин — и не будет кланяться в ноги из лишнего алтына.

Я сделаю замечание относительно сближений Русского народа с иностранцами. Когда переселяется к нам человек отдельный из другого народа, мы за него берёмся и в третьем поколении претворяем его в нашу собственную народность. Когда же переселяется целое племя или колония, тогда оно остаётся неприкосновенным и никак не смешивается с народонаселением русским. Возьмите в пример немецких колонистов в южных губерниях; возьмите татар, цыган, Чувашей, Мордву; сюда же относятся и карелы переславские, переселённые Петром Великим в здешнюю рыбацью слободу. Они потеряли свой язык, но сохранили наружность и характер. Народ наш не воспримет в себя другого народа, из уважения как к своей собственной народности, так и к чужой.

В монастыре Данилове я, к сожалению, не нашёл Настоятеля. В Ризнице не могли показать мне ничего примечательного. Любопытнейшие грамоты напечатаны в описании обители, которое составлено из подлинных монастырских бумаг и издано в 1834 году. У раки Преподобного Даниила я увидел почтенного старца, который молился: седой как лунь, высокого роста, сложения исполинского. Но старость брала уже своё в его нетвёрдых движениях. Этот поклонник Святого, схоронивший жену в монастыре и часто посещающий её могилу, — тот самый Алексей Петрович Столбов, который помог погорелым переславцам. Воспоминание о месте, где почивает Преподобный Даниил, слилось в моём воображении с величавым видом благочестивого старца.

Аким возил меня на своей тележке в Веськово, село, близ которого хранится ботик Петра Великого. Народ изготовлял дорогу для сановного лица. Влево на горе виден Горицкий монастырь во всей красоте своей. За Веськовым на месте, называемом Гремяч, находится домик, достроенный августа 1 дня 1803 года и в котором, по желанию переславских дворян, разрешено было хранить ботик Петра Великого. Берёзовая аллея ведёт к нему. На этом самом месте был дворец Петра. Остатки его вовсе не существуют, но кое-где на земле видны ещё следы оснований зданию. Берёзы, саженные Петром Великим, срублены чьею-то рукою. Осталось две, но это едва ли не внуки прежних. Аким, который всё знает, уверял, что в этом дворце, когда он был цел, жили фрейлины Ягужинские, которые после постриглись в Фёдоровском монастыре. Ботик поставлен в большой зале: вот зерно Русского флота! вот игрушка отважного Петра, которому Переславское озеро было первою школою мореплавания! Сюда уезжал он из Москвы от матери, под предлогом, что едет молиться к Троице.

с. 31

с. 32

с. 33

Здесь тешил юной дух свой и воображал себе море. Число августа 1-е, выставленное на домике, напоминает тот крестный ход на озеро 1692 года, когда Царь сам, при погружении креста в воду, палил из пушек с своих фрегатов.

Прочная постройка ботика весьма примечательна. Он вмале пророчит что-то великое. Тут навалены якоря, мачты, топоры, канат, разные снасти... Об этом-то корабельном хламе народ говорит, как я слышал от извозчика, что всё тут есть, всякое снадобье, всё делал Царь, всё сам — и даже лапоть крестьянский плёл, да не доплёл: сказал, что это самая трудная работа.

В верхнем этаже домика хранятся остатки окон из слюды от прежнего дворца. По слюде изображены красками воины и горожане в разных костюмах, русских, но более голландских. Вероятно, деланы в Голландии.

Тут же в особом столе хранится и указ Петра Великого, писанный его собственною рукою:

Указ Воеводам Переславским

Надежит вам беречь остатки кораблей, яхт и галеры, а буде опустите, то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегших сей указ.

Пётр.

В Переславле, в 7 день Февраля 1722 года.

Строгой указ, как видим, строго и исполняется.

с. 34

Когда выйдешь из этого домика к озеру, открывается очаровательный вид на озеро, на город вдаль, на монастырь Горицкой. День был прекрасный, ветер совсем утих, ровно и спокойно расстилалось голубое озеро и напоминало своим цветом хотя вмале лазурь средиземную. До сих пор я помню это впечатление. Странно, как мы не умеем наслаждаться тем прекрасным, которое у нас под рукою. Подумаешь: во 120 верстах от Москвы, по гладкому шоссе, которое скоро вполне будет окончено, лежит это прекрасное озеро с своими окрестностями. И никто из нас никогда не вздумает прокатиться сюда, чтобы полюбоваться на его чудные волны, заглянуть в его серебряное дно, посмотреть на прекрасные виды вокруг. Когда русская жизнь внутри отечества забьёт сильнее, когда мы сознаём красоты и блага земли своей, когда от одного пустого комфорта, вкусных обедов и бесконечного преферанса перейдём к чистым и благородным наслаждениям мыслящей жизни: тогда, под тысячами вёсел, заплещут волны Переславского озера, запестреют разноцветные флаги судов, раздастся одна полная хоровая песня — и будут петь её тысячи голосов! Это мечта — скажут мне? Нет, это сбудется непременно. Не всё же нам дремать в праздной скуке! Не понапрасну же Бог расточил по земле Русской красоты своей природы! Не для одних же сельдей существует Переславское озеро. Гуляла же по нём яхта Петра Великого — и раздавалась его потешная пальба. Церковь совершает по Трубежу и по водам озера торжественное плавание в лодках с хоругвями и иконами, в шестое воскресенье после Пасхи, при звоне всех колоколов переславских, при пении клира, при многочисленных толпах народа. Если Церковь в своих торжественных молитвах освящает нам красоты природы, отчего же мы не пользуемся ими для благородных общественных наслаждений — и дремлют понапрасну воды озера, как дремлет и наша русская жизнь без мысли, без чувства, без песен и без чистых радостей? Отчего так сонны и праздны и скучны наши красивые города? От чего как будто не для них эти голубые, многоводные реки? не для них густая тень лесов и раздолье полей?

с. 35

Последние часы в Переславле провёл я в беседе с почтенными представителями владимирского и переславского дворянства. А. А. Б., бывший у меня юристом на первом курсе, теперь Почётным Смотрителем Переславских училищ. В уездном 84 ученика — и в том числе 12 дворянских детей; в двух приходских по 56; в женском 42 девочки. Молодые дворяне наши, живущие по деревням семейно, весьма охотно занимаются земледелием, не по отвлечённым системам, а практически, согласно с потребностями жизни и края. Отвлечённые статьи журналов по большей части не удовлетворяют их. Лучше бы было, если бы они писали сами по своим собственным опытам и наблюдениям и обменивались друг с другом такими сведениями.

Губернский Предводитель владимирского дворянства сообщил мне много дельных сведений о своей губернии, которую, как видно, он изучает внимательно. Есть мысль прекрасная:

составить местное археографическое общество для того, чтобы совокупными силами привести в известность, сохранить и поддержать, описать и издать в рисунках все памятники древности, которыми так богата Владимирская губерния. Но что же мешает достойным дворянам исполнить эту мысль? Одна помеха везде — недостаток капитала. Что ж делать? Много развито у нас потребностей разнообразные, начиная от пищи и одежды до цигар и прочего. Разберите элементы русского дворянина в его современном быту, который есть плод нового образования. Он весь по частям нуждается в чём-нибудь — и нельзя никак требовать от него, чтобы он в том мог отказать себе. Удовлетворение же всех этих физических потребностей западной образованности обходится русскому дворянину чрезвычайно дорого. Нет даже никакого равновесия между этими потребностями и способами к их удовлетворению. Отсюда выходит, что когда наука, или искусство, или жизнь общественная, или всякая другая высшая потребность вызывают нашего дворянина на пожертвование — он почти всегда несостоятелен, потому что употребляет все свои доходы на удовлетворение тех личных своих потребностей, которое сообщает ему приличную форму внешней образованности.

с. 36

Оно понятно: мы сближаемся с западом ведь не с тем только, чтобы принять от него науку, искусство, блага жизни общественной, что составляет сущность его просвещения, а более с тем, чтобы покрыться всеми внешними его признаками: эти же внешние признаки обходятся гораздо дороже чем главное — и вот почему так много истощает Россия денег на блеск наружный: когда ж дело коснётся искусства, науки, благороднейших духовных наслаждений человека, мы, запинаясь, говорим: да где же капиталы?

Солнце клонилось к закату, когда я выехал из Переславля.